

Андрей ВИНОГРАДОВ

Механизм политической модернизации в Китае и России

Мировой кризис дал гораздо больше оснований для переоценки исторической роли модернизации, чем предыдущий критический анализ ее опыта. Показав уязвимость рыночных механизмов в большинстве стран мира, он повсюду заставил государство усилить свою роль. Именно поэтому Китай, оказавшийся в лучшем положении, чем многие другие страны, привлек всеобщее внимание.

При явном усилении этатистского начала в мире на протяжении всего периода реформ Китай демонстрировал обратную тенденцию – последовательно создавал условия для индивидуальной инициативы. В 2000 г. КПК была официально провозглашена «партией всей китайской нации», что автоматически сняло классовые ограничения для членства в ней и одновременно создало благоприятные условия для расширения предпринимательской активности в различных областях, что, однако, никак не затронуло «руководящее и направляющее» место партии в обществе.

Партии на Востоке структурно и функционально сильно отличаются от партий на Западе, где партия представляет одну из равноправных частей общества, претендующую на лидерство в конкурентной борьбе. На Востоке партия – скорее высший социальный слой, обладающий монопольным правом на власть. Поэтому главной задачей партии на Востоке является эффективность осуществления ею своих властных функций, а обязательным условием для этого – жесткие требования к профессиональным качествам своих членов – государственных чиновников. Связано это с тем, что эффективная авторитарная власть в отличие от эффективной демократии базируется прежде всего на высоком профессионализме должностных лиц – государственной меритократии. Вполне естественно, что, являясь правящей партией, КПК взяла на себя функции постоянно действующего механизма отбора и подготовки кадров для органов государственного управления. С низового уровня она предъявляет самые

Андрей ВИНОГРАДОВ – начальник отдела исследований современной Азии Российского института стратегических исследований, доктор политических наук

строгие требования к профессиональным, личным и деловым качествам претендентов на высшие посты, планомерно отсекая случайных и некомпетентных людей и расставляя по местам наиболее талантливых и перспективных. Именно многоступенчатая система формирования кадрового резерва стала отличительной чертой современной китайской политической модели.

Исторически модернизация в странах Востока начиналась с целенаправленных усилий государства для поиска ответов на вызовы внешнего мира. Модернизация, по крайней мере на начальном этапе, являлась политическим актом, демонстрацией политической воли, целью которой было повышение конкурентоспособности общества в целом, а не его отдельных сегментов. Но успешное проведение таких всеобъемлющих преобразований возможно только в традиционном, вертикально интегрированном обществе, сохранившем патриархальные черты и принципы социальных взаимоотношений и поэтому обладающем предпосылками для подобного рода мобилизационных усилий.

На протяжении большей части XX в. Китай, перед которым остро встала задача модернизации, отдавал предпочтение социально-политическим и экономическим моделям Германии, Японии и СССР как наиболее близким и эффективным для достижения стоящих перед ним целей. Если признать, что начало модернизации – это акт политической воли, задача которого состоит в правильном выборе точки и угла приложения сил, то ее общий успех будет определяться не столько экономическим детерминизмом, сколько политическим расчетом и волей.

Мировая практика, китайская и российская в том числе, подтверждает, что все успешные модернизации осуществлялись исключительно авторитарными политическими режимами на протяжении жизни одного поколения. В их основе лежала идея национального возрождения или борьбы за мировое лидерство, а ее реализация достигалась общенациональной мобилизацией за счет идейно-воспитательной и пропагандистской работы среди населения и репрессий против политических оппонентов. В зависимости от того, каким методам отдавалось предпочтение, роль механизма проведения в жизнь политики модернизации играла либо армия, либо высокоорганизованная и дисциплинированная партия авангардного типа. Поиск этого механизма занял довольно продолжительное время.

В конце XIX –начале XX в. в Китае, как и в России, встала задача повышения эффективности государства, прежде всего в связи с империалистической экспансией западных держав. С 1901 г. в Китае начались политические реформы, направленные на установление конституционной монархии за счет перераспределения власти в пользу более динамичных социальных сил. Крайне медленный темп преобразований при нараставшем внешнем давлении обрекал это движение на поражение. В 1911 г. революционный порыв сверг монархию, но провозглашение республики не получило продолжения в утверждении демократических принципов и форм правления – китайское общество было не готово их принять. В результате на место старой пришла более динамичная и современная, но тоже авторитарная власть. Уже через несколько месяцев Сунь Ятсен уступил место президента премьеру императорского правительства Юань Шикаю. В стране установился режим его личной диктатуры, и только внезапная смерть президента в 1916 г. уберегла Китай от реставрации монархии.

Внимание революционеров обратилось к Советской России. Результатом изучения ее опыта стала реорганизация в начале 1920-х годов Гоминьдана по примеру большевистской партии и создание революционной армии. Война с Японией, организационная слабость и коррупция предопределили поражение ГМД, уступившего историческое место компартии. Отличительными чертами КПК были идеология социальной справедливости, образ нравственно чистых и понятных народной массе вождей и высоко дисциплинированная организация. В результате нескольких последовательных шагов был найден политический механизм преобразований – созданная вокруг авторитетных политических вождей авангардная партия, способная привести в движение традиционное, инертное общество.

Главный недостаток такой системы заключался в том, что неограниченные властные полномочия вождя открывали широкие возможности для злоупотреблений и действия случайных факторов. Эксперименты, инициированные Мао Цзэдуном в конце 1950-х годов, стали представлять реальную угрозу для государства, а высокая концентрация власти препятствовала формированию механизмов ее воспроизводства, поскольку любые формы преемственности, появлявшиеся при жизни вождя, угрожали его монополии на власть, у лидера не оставалось достойных преемников. Авторитарная политическая система, получившая новое продолжение после революции, развивалась по собственным законам, власть вновь становилась пожизненной, а вместе с этим восстанавливались ее главные недостатки – волюнтаристская система принятия решений и контроля за их исполнением. Задача состояла в том, чтобы перевести эффективную авторитарную систему в институциональную форму и избавить ее от случайностей, связанных с отдельным человеком. Для этого надо было последовательно решить ряд задач, т. е. создать механизм воспроизводства власти, обеспечивающий ее стабильность при сохранении способности эффективно реагировать на текущие изменения. На определенном этапе модернизации естественным представлялось стремление к учреждению демократической системы, способной зафиксировать достигнутый результат, а главным способом для этого – реконструкция основных социально-экономических и политических структур западного общества. В целом ряде государств Восточной Азии политическое

развитие пошло именно в этом направлении (Япония, Ю.Корея, Тайвань), но общим моментом у них всегда было прямое, непосредственное и мощное влияние западных держав, в первую очередь США, которые без ущерба для себя могли допустить их к некоторым важным сегментам экономики и обеспечить военно-политическую безопасность. К большим странам – своим потенциальным противникам – такая стратегия была неприменима. Но и они сумели найти возможности для повышения эффективности власти, т. е. способности адекватно реагировать на различные вызовы и обновляться вместе со средой.

Современная история Китая началась с окончания «культурной революции». Последние годы жизни Мао Цзэдуна характеризовались безраздельным господством неформальных и неправовых принципов руководства, при этом задачи оперативного управления выполнял уже не лидер, а его приближенные, претендовавшие на осуществление властных функций и после ухода вождя. Отсутствие механизма преемственности стало главной причиной завершения «культурной революции» и началом нового этапа в развитии КНР. Переход власти к «четверке», возможно, законсервировал бы действовавшую общественно-политическую модель на десятилетия, как, например, в Северной Корее, но отсутствие алгоритма преемственности повернуло историю в другое русло.

Очень скоро после смерти Мао Цзэдуна выяснилось, что Хуа Гофэн, ставший его официальным преемником, не готов к выполнению этой миссии. Наиболее авторитетные лидеры КПК постоянно оспаривали его легитимность и заставили в конце концов вернуть в руководство страны Дэн Сяопина, который на 3-м пленуме ЦК КПК (1978) утвердился во главе партийного руководства. Для страны, оказавшейся на перепутье, важно было не допустить нового раскола во власти, сохранить образ партийного единства и политическую стабильность.

Таким образом, начало политических преобразований в КНР началось с ограничения срока пребывания на высших должностях. Передав посты в партии и правительстве от Хуа Гофэна Ху Яобану и Чжао Цзыяну, Дэн Сяопин и «второе поколение» руководителей КПК утвердили в Китае сменяемость власти, не связанную с естественными причинами, а значит, контролируемую. (Последующая практика показала, что КПК старается контролировать и естественные причины – возраст уходящих генсеков немного превышает 70 лет. Этот возрастной рубеж был невольно определен Дэн Сяопином, который посчитал для себя нецелесообразным в этом возрасте занимать высшие посты. Оспаривать такое решение «архитектора китайских реформ» в последующем выглядело, как минимум, некорректно.) Негативные последствия монополизации власти Мао Цзэдуном, протекавший после разгрома «четверки» процесс перераспределения полномочий, но, главное, убеждение ветеранов в необходимости ограничить пребывание в должности двумя сроками и запретить совмещение высших постов в исполнительной власти и партийной иерархии привели к тому, что отказ от пожизненного занятия постов и регулярное обновление власти были закреплены в Конституции и Уставе КПК. Это создало предпосылки для предотвращения монополизации власти, повышения ее динамизма и ответственности. Но для утверждения преемственности этого было недостаточно.

На начальном этапе для осуществления контроля за исполнением важнейших решений и формированием корпуса преемников были созданы Центральная комиссия по проверке дисциплины и Центральная комиссия советников, призванная компенсировать ослабление оперативной роли ветеранов формальным признанием их исключительных заслуг в жизни страны и канонизацией их авторитета. Аккумулировав значительную часть высших партийных кадров преклонного возраста, комиссия освободила руководящие органы партии от политической инерции старшего поколения. Но все же в дополнение к контрольным и кадровым функциям Дэн Сяопин сохранил пост председателя Военного совета ЦК КПК и Центрального военного совета (ЦВС) КНР, дававший ему право оперативного вмешательства в критических ситуациях. В июне 1989 г. он воспользовался этим правом, сменив высшее руководство КПК и определив стратегию дальнейшего развития страны.

Утверждение преемственности власти в качестве следующего шага требовало институализации ее механизма. Патриархальное общество, в котором отсутствуют развитые экономические классы, могло быть дифференцировано только по возрасту, по принципу «старший-младший». Такие отношения регулировались одной из центральных в китайской культуре категорией «сяо» (сыновняя почтительность). Нынешние представления о поколениях китайских руководителей легко можно рассматривать в качестве одной из смысловых интерпретаций «сяо». В авторитарной системе, выросшей из традиционного конфуцианского общества, только смена поколений позволяла, сохраняя преемственность, открыть простор инициативе и инновациям. Представление о поколениях руководителей, первоначально введенное для выделения активных участников революционных войн, создало объективную основу для институализации преемственности.

Важным практическим условием для этого стало существование в КПК непрерывной системы подготовки кадров высшего звена. Ху Яобан, с 1957 г. на протяжении длительного времени возглавлявший КСМК, а затем и Ху Цзиньтао, бывший первым секретарем ЦК КСМК в 1980-е годы, ясно представляли практический смысл возрастных отличий и значение профессионального роста вместе со своим поколением в рамках политической организации. Партийно-политический опыт Ху Яобана в значительной степени способствовал формированию представления о поколениях ру-

ководителей КПК как о новом уровне идейно-организационного единства. Исторически сложилось так, что, занимая пост проректора Центральной партийной школы (ЦПШ) с 1977 г., Ху Яобан вел там работу по подготовке основных идей и руководящих кадров для проведения реформ, что в значительной степени предопределило его последующее избрание генеральным секретарем ЦК КПК. С тех пор ЦПШ стала важнейшей инстанцией в организационном и идейно-теоретическом формировании каждого нового поколения китайских руководителей, а также одним из ведущих теоретических центров компартии и одновременно центром обратной связи высшего руководства со страной.

Закономерным следствием процедуры прижизненного поиска преемников стало особое разделение властей между поколениями, где принятие стратегических решений оставалось за обладавшими бесспорным авторитетом ветеранами. Впоследствии из этого механизма выросла традиция опеки представителей нового поколения руководителей, которая проявляется в поиске и постепенном введении в состав высших органов власти вероятных преемников. Роль индивидуальной работы и личных связей чрезвычайно велика. Так, Хуа Гофэн был в свое время замечен Мао Цзэдуном, Ху Цзиньтао обязан своим выдвижением Дэн Сяопину, а тот, в свою очередь, – Ли Кэцяну, одно время считавшемуся преемником Ху Цзиньтао. Традиция личных поручительств и рекомендаций, воплощающих нравственные принципы служилого сословия, на протяжении столетий существовала в императорском Китае в качестве обязательного условия для сдачи государственных экзаменов на занятие чиновничьих должностей. Но тщательно отработанный регламент внутриэлитного отбора сам по себе не мог заменить особых процедур поддержания отношений власти с народом, которые бы обеспечивали его поддержку и вместе с тем ограничивали непосредственное участие масс в реальном политическом процессе.

Ключевым элементом институализации преемственности должна была стать процедура легитимизации нового поколения. В идеократическом государстве, которым в той или иной степени являлись все социалистические страны, высший авторитет был закреплен за марксистской идеологией, определявшей основные направления развития. Легитимным лидером мог стать только тот, кто внес вклад в идейно-теоретическую платформу партии, т. е. принял участие в формулировании общественно значимой цели. Еще при Мао Цзэдуне КПК отстояла право на существенные коррективы марксистской идеологии, получившие известность как «идеи Мао Цзэдуна». Дэн Сяопин, доказав в ходе общественно-политических дискуссий, последовавших за смертью «великого кормчего», политическую состоятельность выдвинутых им лозунгов «реалистического подхода к делу» и «практика – критерий истины», встал в один ряд с Мао Цзэдуном и обрел высшую – идеологическую – меру авторитета. После этого теория «строительства социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопина, идея «тройного представительства» Цзян Цзэминя, концепция «гармоничного общества» и «научный взгляд на развитие» Ху Цзиньтао неизменно выводили авторов в число высших авторитетов, легитимизируя выдвинутый ими политический курс и задавая строгие идеологические ориентиры преемникам.

Подбор и воспитание кадров – важный элемент существующей системы преемственности власти. Не меньшую роль играет ограничение единоличной власти лидера. Сейчас генеральный секретарь ЦК КПК Китая официально является представителем очередного поколения руководителей, но его власть даже в оперативном режиме не абсолютна. В действительности в процессе подготовки смены ведется поиск двух центральных фигур следующего поколения руководителей, которые затем занимают посты генерального секретаря ЦК и премьера Госсовета. Ядро нового поколения представляет Постоянный комитет Политбюро, в котором, безусловно, вторым номером является премьер. Эта традиция неравновесных дуумвиратов берет начало с взаимоотношений Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, сложившихся еще в период революционных войн. Контуры ядра следующего, «пятого» поколения руководителей, которое придет к власти в 2012 г., также представлены парой: Си Цзиньпином и Ли Кэцяном.

Наконец, передача постов новому руководителю осуществляется постепенно. Пост генерального секретаря, с которого начинается процедура передачи власти, дает право на избрание председателем КНР, председателем Военного совета КПК и ЦВС КНР. При передаче власти Ху Цзиньтао этот процесс растянулся на два с половиной года, обеспечив плавность и бесконфликтность обретения им полномочий. Есть основание считать, что этот срок может быть увеличен, а «опека» над новым генеральным секретарем продлена.

В целом Китаю удалось институализировать систему воспроизводства власти в контексте традиционной политической культуры и в соответствии с задачами модернизации. Основными элементами этой системы являются: партия авангардного типа, обладающая монополией на власть и доставшаяся от первой фазы политической модернизации – революционной смены власти; отказ от пожизненной системы пребывания на высших партийных и государственных постах; представление о поколениях руководителей и система периодического обновления руководства; институализированный механизм подготовки и поиска преемников; идеологическая канонизация высшего руководства, обеспечивающая легитимность власти; постепенная передача власти и постов.

В результате современная политическая система КНР обрела необходимый динамизм, а за счет системы идеологической обработки населения, близкой конфуцианским традициям воспитания, – легитимность и стабильность. Важно отдавать отчет, что в идеокра-

тической и мобилизационной системе общественное мнение формируется в соответствии с задачами, которые ставит и формулирует власть в процессе идейно-теоретического воспитания и политических кампаний, проводимых массовой политической партией, а не наоборот, когда общество само определяет цели, ценности и ориентиры развития и в соответствии с ними избирает власть. Можно утверждать, что в Китае сейчас функционирует модернизированная авторитарная система, сохранившая генетические черты с традиционной политической культурой и способная эффективно отвечать на вызовы времени. Общие принципы авторитарной политической модернизации можно свести к следующему.

1. Для придания власти стабильности и в демократических, и в модернизированных авторитарных системах используется один и тот же прием – разделение власти. В авторитарной, выросшей из патриархального общества системе это разделение власти между поколениями и между руководителями одного поколения.

2. Формирование имеет естественно-исторический характер. Институализация преемственности складывалась из создания отдельных механизмов для решения конкретных политических задач, которые не были частью заранее спланированной концепции. Некоторые из них, как, например, Центральная комиссия советников, были со временем упразднены, но между оставшимися сложились тесные функциональные связи, а их логика сейчас, когда система создана и функционирует, поддается реконструкции.

3. В идеократическом и мобилизационном обществе цель развития определяется руководством в соответствии с теоретическими представлениями. Для обоснования новых стратегических установок в КПК сложилась развитая система научно-исследовательских центров, тесно взаимодействующих с институтами Академии общественных наук Китая и ведущими университетами страны. Политическая власть в Китае гораздо больше зависит от научно обоснованных оценок и рекомендаций, чем власть в демократическом обществе, и воспринимая их, она становится более эффективной.

Применим ли опыт Китая в России? Конечно нет, если пытаться его воплотить буквально. Но он может быть полезен, потому что у наших стран есть существенные общие черты, обусловленные не только историей, но и текущими задачами.

В. Путину удалось то, что до него удалось Дэн Сяопину, но не удалось М. Горбачеву и Б. Ельцину – обеспечить смену курса, сохранив преемственность власти, и проложить путь от хаоса к порядку, а не от порядка, пусть и несовершенного, к хаосу, как это делали его предшественники. Его шаги в этом направлении не получили однозначной оценки в экспертном сообществе и у политической элиты. С 2002 г. он последовательно сокращал пространство политической конкуренции – повысил проходной порог на выборах в Думу, ликвидировал одномандатные округа, отменил прямые выборы губернаторов, ужесточил требования к регистрации политических партий и т. д. Все эти меры преследовали одну цель – сократить возможности политического участия несистемной оппозиции, крупного бизнеса и криминальных группировок, а вместе с этим и количество факторов общественно-политической нестабильности как на федеральном, так и на региональном уровне. Достигнутая в результате консолидация политического класса стала предпосылкой общественно-политической стабилизации.

Преемственность предполагает не только передачу властных полномочий, но и системный сброс негативной инерции, который неизбежно накапливается властью. Обновление региональных и федеральных элит сопровождалось постепенной и, возможно, временной трансформацией Совета Федерации, который все больше напоминает совет политических старейшин, может, не такой влиятельный, как Центральная комиссия советников в Китае, но вполне адекватный задаче плановой и бесконфликтной замены кадров.

Важным достижением В. Путина стало спокойное, без резких идеологически мотивированных колебаний преодоление изъянов предыдущего социально-экономического курса. На протяжении 25 лет каждая новая стратегия преобразований появлялась в нашей стране прежде всего потому, что предыдущая не давала ожидаемых результатов. И всегда она строилась на отрицании и идеологической антитезе, что быстро приносило популярность и симпатии населения, но никогда не делало их прочными. В итоге импульсы к позитивным преобразованиям не накапливались, а их деструктивное воздействие усиливалось, разрушая страну.

Взятая В. Путиным идеологическая пауза позволила навести элементарный порядок и подготовить условия для выдвижения нового стратегического курса. В этом прослеживается еще одна параллель с Китаем. Тысячелетняя история обогатила китайскую цивилизацию искусством паузы и убедила, что движение вперед может измеряться не только категориями политического времени, передав эту уверенность и современному Китаю. После двух крупнейших политических потрясений в новейшей истории – смерти Мао Цзэдуна и событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. – китайское руководство нашло в себе силы сделать паузу и внести существенные коррективы в направление и ход дальнейшего развития. Этим искусством паузы, похоже, овладевает и отечественная государственная элита.

Успешное правление В. Путина стало важнейшим шагом в реконструкции стабильной политической системы. Признание обществом его личных заслуг позволило ему замкнуть политический процесс на себя, оградив от его негативного влияния экономическое и государственное строительство. Этими успехами и были вызваны разговоры о продлении срока его полномочий. Передав пост, казалось бы, вопреки логике

развития политической ситуации, он избежал восстановления пожизненной системы и создал предпосылки для придания стратегическому курсу динамизма в длительной перспективе. Став сменяемой, власть показала, что появился выбор между плохой и хорошей властью, а не между властью и хаосом, как это было в 1990-е годы.

Однако в современной России нравственного авторитета могло не хватить, чтобы эффективно контролировать общественно-политические процессы. Поэтому он был подкреплен не только высоким государственным постом премьера, но и поддержкой партии, гарантирующей конституционное большинство в парламенте. В сущности, В. Путин повторил политический алгоритм Дэн Сяопина:

– приобрел личный авторитет, который был канонизирован ведущей политической партией и нижней палатой парламента в курс, получивший название «план Путина»;

– сделал власть сменяемой;

– оставаясь национальным лидером и сохранив пост высшего должностного лица, превратил сменяемость в фактор стабильности.

Последнее, что осталось сделать России, – институализировать механизм преемственности. В Китае на это ушло более 20 лет. В отличие от Китая в России отсутствует отлаженный механизм отбора кадров на высшие посты, до сих пор это сфера абсолютно субъективных предпочтений, которая не может гарантировать положительного результата. Ее создание невозможно вне развитых политических институтов. Между тем существующая политическая конфигурация сложилась, когда перед властью стояла важнейшая, историческая по масштабам задача – стабилизировать ситуацию, остановить распад государства и зафиксировать промежуточные итоги реформ. Возглавив партию государственных чиновников и конституционного большинства в парламенте, новый президент консолидировал власть, создав более совершенную и эффективную по сравнению с 90-ми годами политическую модель. Но в нынешнем виде она носит явно переходный характер. Именно поэтому, так и не став членом этой партии, В. Путин, как затем и Д. Медведев, сохранили принципиальную возможность для дальнейшего развития этой политической конструкции и создания механизмов политической конкуренции и состязательности, которая является важнейшей функциональной чертой демократии.

Появление, пусть даже формальное, двух центров силы было не таким уж маленьким шагом в данном направлении, если вспомнить о преобладании двухпартийных систем в большинстве развитых демократий. Однако за прошедшие годы дальнейших шагов сделано не было. В практическом плане это потребовало бы мощной реорганизации партийно-политического пространства, неизбежно сопровождающейся ростом нестабильности. Вместе с тем негативные последствия незавершенности такого шага с точки зрения поиска окончательной модели проявились в полной мере. Преднамеренно сохранив свободу от партии и партийного контроля, нынешние лидеры автоматически, хотя и явно того не желая, понизили и меру своей ответственности за партийное строительство и, главное, кадровую работу, которая жизненно важна для создания эффективной государственной власти.

Есть и другая не менее важная и актуальная задача – сформулировать новую идейную платформу, придумать необходимую для успешной модернизации общенациональную формулу желания быть первыми, потому что без общенациональной идеи невозможен ни нравственный авторитет власти, ни ее идейная легитимизация, ни механизм преемственности. В Китае с самого начала реформ такая идея существовала, политически четко не артикулировавшаяся, за исключением, быть может, очень короткого промежутка времени в 2003–2004 гг., когда в ходу был лозунг «мирного возвышения Китая», но воспринимавшаяся и безошибочно ощущавшаяся обществом – выйти на ведущие позиции в мире. Пока в России из попыток предложить ее идейное ядро ничего не выросло. В период президентства В. Путина эта задача остро не стояла, но ее решение становится все более насущным. Без идеи государство теряет идентичность, а власть – стабильность. Период урегулирования закончился, полномочия переданы представителю более молодого поколения, более свободного от негативной инерции прошлого и более смелого в выборе цели.

Не только успехи Китая и глобализация, но и мировой кризис вскрыли слабости и пороки многих, недавно еще бесспорных мировых лидеров. На их фоне китайская политическая модель, став за последние 20 лет значительно совершеннее и успешно решая возникающие задачи, притягивает всеобщее внимание. Сейчас ее опыт уже получил мировое звучание. Главное в этом опыте – мобилизующая идея общего блага, связанная с авторитетом государства, а не личным благосостоянием. Но в отличие от традиционного авторитаризма, характеризующегося преобладанием неправовых методов управления, современный, модернизированный авторитаризм испытывает правовые ограничения, одним из проявлений которых является новый механизм преемственности власти.

Статья подготовлена по материалам доклада, сделанного автором на Международной научной конференции «Политическая модернизация в XXI веке: мировой опыт и российская практика», организованной кафедрой политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ, кафедрой истории и политологии Финансовой академии при Правительстве РФ, Филиалом союза «Фонд имени Фридриха Эберта» в России, Московским центром Карнеги, Институтом современного развития, Академией политической науки.